

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-390-398

МАРДОНЗОДА Сафармухаммад Рахматулло,
адъюнкт 3 факультета
Академии управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

О ПОНЯТИИ И СУБЪЕКТАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ДЕЛАМ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем административного права – определении понятия и круга субъектов административной юрисдикции применительно к правонарушениям в сфере миграции, в частности, связанным с незаконным пребыванием иностранных граждан в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Автор анализирует существующий в научной доктрине плюрализм относительно того, какие именно органы и должностные лица обладают признаками субъекта административной юрисдикции в контексте миграционных правонарушений.

Ключевые слова: незаконное пребывание, миграция, административная юрисдикция, субъекты административной юрисдикции, МВД РФ, административные суды.

MARDONZODA Safarmuhammad Rahmatullo,
adjunct of the 3rd faculty of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE CONCEPT AND SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION IN CASES OF MIGRATION OFFENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN (COMPARATIVE ANALYSIS)

Annotation. The article considers one of the most pressing problems of administrative law – the definition of the concept and circle of subjects of administrative jurisdiction in relation to offenses in the field of migration, in particular, related to the illegal stay of foreign citizens in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The author analyzes the pluralism existing in the scientific doctrine regarding which bodies and officials have the characteristics of a subject of administrative jurisdiction in the context of migration offenses.

Key words: illegal stay, migration, administrative jurisdiction, subjects of administrative jurisdiction, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, administrative courts.

Незаконная миграция представляет собой одну из наиболее значимых и острых проблем для государств в XXI веке требующих многомерного анализа. Несомненно, трудовая миграция продолжит существовать и оставаться проблемой имеющей серьезные последствия и в ближайшие годы. Незаконная миграция является угрозой любому национальному государству, поэтому заградительные меры от нее принимаются исключительно из соображений безопасности.

Общество, сталкиваясь с необходимостью противодействия правонарушениям в сфере незаконной миграции, требует эффективно функционирующего механизма судебных и административных институтов, чья деятельность в Российской Федерации непрерывно совершенствуется. Центральное место в этой системе занимают субъекты административной юрисдикции, чье определение в российской правовой доктрине варьируется.

Так, А.Ю. Гулягин акцентирует двойственную природу их деятельности, сочетающей управленческие и юрисдикционные функции, что, по его мнению, формирует правовой статус таких органов как части правоохранительной системы государства [4, с. 26-30]. Е.В. Елфимова расширяет трактовку, включая в понятие не только органы, но и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела и принимать решения в установленных формах [5, с. 99-107].

Однако наиболее обоснованной представляется позиция Д.Р. Канищева, который, опираясь на нормы КоАП РФ, определяет субъектов административной юрисдикции как органы власти и их представителей, обладающих компетенцией применять меры ответственности и обеспечивать производство по делам [8, с. 25-29]. Именно этот подход, интегрирующий законодательные основания, отражает системный характер их полномочий, что подчеркивает необходимость соотношения теоретических конструкций с существующими правовыми реалиями [13, с. 254-256].

Действующее законодательство Российской Федерации, в частности ст. 22.1 и глава 23 КоАП РФ, устанавливает перечень органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, что формирует двухуровневую систему субъектов административной юрисдикции. Федеральный блок охватывает судей, комиссии по делам несовершеннолетних, федеральные органы исполнительной власти и Банк России, чья компетенция распространяется на нарушения, предусмотренные федеральными нормами.

Региональный блок, закрепленный в ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ, включает субъекты, рассматривающие дела по законам субъектов РФ, что подчеркивает единство системы при сохранении иерархии: региональные нормы формируются в рамках федеральной правовой матрицы, обеспечивая согласованность. Однако формирование региональной подсистемы не является исключительной прерогативой субъектов РФ, так как правовое положение ключевых институтов, таких как мировые судьи или комиссии по делам несовершеннолетних, определяется как федеральным, так и региональным законодательством, что отражает их двойственную природу [13, с. 254-256].

Пределы полномочий региональных субъектов устанавливаются законами субъектов РФ, однако качество регионального законодательства зачастую вызывает вопросы. Исследователи, включая Хорькова В.Н., отмечают его несовершенство с точки зрения юридической техники и соответствия КоАП РФ, а также фрагментарность: лишь в отдельных регионах, таких как Калининградская, Томская и Волгоградская области, при-

няты кодифицированные акты. Это создает правовую неоднородность и усложняет унификацию применения норм.

Классификация субъектов административной юрисдикции основывается на нескольких критериях, среди которых способ принятия решений (коллегиальный или единоличный), характер компетенции (общая, специальная, отраслевая) и порядок образования (избираемые, назначаемые). Некоторые авторы предлагают расширить основания классификации, однако такой подход критикуется как избыточный, поскольку действующая система критериев позволяет достаточно четко дифференцировать субъекты, учитывая их функциональные и организационные особенности. Таким образом, существующая модель, несмотря на региональные дисбалансы, сохраняет системность, обеспечивая баланс между федеральным регулированием и региональной спецификой [13, с. 254-256].

Дискуссионность института административной юрисдикции проявляется в отсутствии единой трактовки: ученые, включая Л.Л. Попова, Ю.М. Козлова и Д.М. Овсянко, предлагают узкое и широкое понимание этого понятия. В узком смысле административная юрисдикция сводится к внесудебному разрешению споров исполнительными органами с применением мер ответственности, однако авторы подчеркивают, что такое определение не охватывает всего спектра принудительных мер.

Ключевой аргумент исследователей заключается в том, что значительная часть мер принуждения (предупредительных и пресекательных) не связана с административной ответственностью или правовыми спорами, а инициируется органами власти в одностороннем порядке, затрагивая интересы физических и юридических лиц. Эти меры, хотя и закреплены в санкциях норм, не требуют наличия спора для применения, что отличает их от классических юрисдикционных процедур. При этом их реализация может породить последующие споры при обжаловании, однако на этапе применения они остаются административно-властными действиями, требующими правовой оценки. На этом основании авторы предлагают расширить понятие административной юрисдикции, включив в него как судебные, так и внесудебные процедуры применения принуждения, что отражает комплексный характер этого института, объединяющего материальные и процессуальные аспекты в контексте защиты публичных интересов [7, с. 192-199].

Профессор Ю.М. Козлов в своем учебнике «Административное право» пишет о том, что сущность административной юрисдикции проявляется в правовой оценке поведения участников

административно-правовых споров, а также в применении предусмотренных законодательством мер государственного принуждения при выявлении нарушений режима пребывания иностранных граждан [9]. Автор выделяет три ключевых признака административной юрисдикции, формирующих ее сущность.

Первый признак связан с предметом – административно-правовым спором или конфликтом, причем ученый разграничивает эти понятия: конфликт может разрешаться, бесспорно, через предупредительные или профилактические меры, тогда как спор предполагает правовое противостояние. Отсутствие спора или принуждения исключает юрисдикцию, что методологически обосновывает включение контрольно-надзорной деятельности, генерирующей превентивные меры, в рамки административно-юрисдикционного процесса.

Второй признак – административное содержание – выражается в обязательной правовой оценке поведения сторон в рамках расследования, сближающей юрисдикцию исполнительных органов с судебной практикой. Третий признак, результативность, акцентирует юридически-властный характер решений, принимаемых по итогам оценки спора, что закрепляет властный статус уполномоченных органов.

Особенность юрисдикционной деятельности в рассматриваемой сфере заключается в том, что она осуществляется преимущественно во внесудебном порядке, при этом принудительные меры реализуются через систему административных наказаний и дисциплинарных воздействий. В случаях возникновения административно-правовых споров, связанных с нарушением режима пребывания иностранных граждан, одной из сторон всегда выступает исполнительный орган или должностное лицо, действия или решения которого становятся предметом рассмотрения. При этом правовая оценка поведения участников спора является обязательным условием для принятия окончательного решения по делу.

Важно отметить, что юрисдикция в области контроля за пребыванием иностранных граждан включает не только рассмотрение спорных ситуаций, но и применение административно-принудительных мер превентивного характера, направленных на предупреждение и пресечение нарушений режима пребывания.

Эволюция понятия административной юрисдикции прослеживается в расширении его доктринальных границ за счет интеграции материально-правовых норм, включая меры принуждения. Профессор М.А. Лапина в монографии 2013 года предлагает комплексный подход, определяя административную юрисдикцию как внесудебную

правоприменительную деятельность по разрешению споров и применению санкций, что дополняет ее концепцию трехзвенной структуры административного процесса: процедуры (регламентация позитивной деятельности), юстиция (судебные споры) и юрисдикция (внесудебное принуждение).

Этот подход подчеркивает системность административного процесса, где юрисдикция выступает механизмом реагирования на нарушения, обеспечивая защиту правоотношений через принуждение, что согласуется с идеей Ю.М. Козлова о неразрывности конфликта и властного вмешательства.

Таким образом, развитие концепции отражает стремление объединить теоретические основы с практикой применения принуждения, сохраняя баланс между предупреждением, пресечением и разрешением споров в рамках единого административного процесса [7, с. 192-199].

Современные дискуссии сосредоточены на определении субъектов. Ряд ученых, таких как В.Г. Розенфельд и В.В. Серегина, исключают суды из перечня, относя к субъектам лишь органы исполнительной власти, местного самоуправления и общественные организации [12, с. 17-19]. Профессор Д.Н. Бахрах разграничивает административную и судебную юрисдикции, подчеркивая, что первая не является правосудием, а направлена на расширение правовых гарантий через административно-процессуальные нормы [1, с. 10].

Противоположную позицию занимают И.В. Панова, А.К. Соловьева и К.С. Бельский, утверждающие, что судьи при рассмотрении административных дел выполняют юрисдикционную функцию, но не осуществляют правосудие, поскольку руководствуются административно-процессуальными нормами и действуют от своего имени, а не от имени судебной власти [11, с. 131; 14, с. 225; 3]. Такие разногласия отражают сложность классификации юрисдикционной деятельности в условиях смешения административных и судебных процедур, что актуализирует поиск баланса между функциональным назначением институтов и принципами разделения властей [6, с. 82-87].

Споры о природе административной юрисдикции сохраняют актуальность, разделяя ученых на тех, кто считает ее исключительной прерогативой судов, и тех, кто включает в нее внесудебные органы.

П.И. Кононов предлагает отказаться от термина «административная юрисдикция» из-за его неоднозначности, заменяя его понятием «правоохранительная деятельность», охватывающим все меры административного принуждения [10, с. 713-719]. Однако такая замена игнорирует устояв-

шуюся доктринальную значимость юрисдикции как базового института, что делает ее исключение нецелесообразным.

Концепция реформы КоАП РФ, напротив, акцентирует необходимость четкого определения субъектов административной юрисдикции, предлагая перераспределить полномочия между судами и коллегиальными органами субъектов РФ, особенно, в части правонарушений, регулируемых региональным законодательством. Это предполагает уточнение компетенций федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также органов местного самоуправления, включая наделение их правом составления протоколов, проведения расследований и назначения наказаний, таких как обязательные работы [6, с. 82-87].

П.И. Кононов отмечает проблему неопределенности правового статуса органов и организаций, наделенных отдельными государственными или публичными полномочиями. Несмотря на прямое указание в главах 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и 24 Арбитражно-процессуального кодекса РФ на возможность привлечения таких субъектов в качестве ответчиков по административным делам, законодатель не раскрывает их понятия, признаков и критериев отнесения к данной категории, что порождает дискуссии в доктрине и противоречия в судебной практике.

Отсутствие законодательного закрепления критериев «публичности» создает сложности при определении круга субъектов, уполномоченных возбуждать дела о нарушениях режима пребывания иностранных граждан. Если органы миграционного контроля МВД и пограничные службы обладают явными властными полномочиями, то статус многофункциональных центров, государственных корпораций или публично-правовых компаний остается спорным. Например, могут ли организации, оказывающие публичные услуги в сфере миграционного учета, быть привлечены к ответственности за неправомерные решения, если их полномочия не закреплены в нормативных актах?

Судебная практика, как следует из текста, вынуждена опираться на доктринальные трактовки, что приводит к разночтениям. Одни суды признают ответчиками организации, выполняющие делегированные государством функции (например, МФЦ, осуществляющие прием документов на патент), другие ограничиваются традиционными органами власти. Такая неоднозначность затрудняет защиту прав иностранных граждан, поскольку непрозрачность статуса ответчика осложняет доказывание вины и обжалование решений.

Проблема усугубляется тем, что ряд организаций, формально не входящих в систему публичной администрации (например, государственные унитарные предприятия, участвующие в квотировании рабочих мест для трудовых мигрантов), де-факто реализуют властные полномочия. Отсутствие четких законодательных критериев их административной юрисдикции создает риски злоупотреблений и нарушений процессуальных гарантий, что особенно критично в контексте деликатного регулирования миграционных процессов.

Таким образом, необходимость законодательного определения признаков «публичности» для органов и организаций становится ключевым условием обеспечения правовой определенности как для субъектов юрисдикции, так и для иностранных граждан, чьи права затрагиваются их решениями.

Государственные учреждения, такие как многофункциональные центры, формально не входящие в систему МВД, но участвующие в предоставлении услуг по оформлению патентов или разрешений на временное проживание, могут быть признаны субъектами административной юрисдикции, если их полномочия включают принятие решений, влекущих юридические последствия для иностранных граждан. Например, отказ в приеме документов или выдача заключений, влияющих на правовой статус мигранта, требуют четкого нормативного закрепления их административно-распорядительных функций, что актуально для предотвращения злоупотреблений.

Особый интерес представляют непубличные организации, такие как частные охранные предприятия, участвующие в обеспечении режима пребывания через контроль доступа на охраняемые объекты. Несмотря на отсутствие прямых властных полномочий, их действия (например, задержание лиц без документов) могут создавать основания для возбуждения административных дел, что поднимает вопрос о пределах делегирования государственных функций коммерческим структурам. Коллегиальные органы, включая комиссии по миграционным вопросам, наделенные правом лишать разрешений на работу, также требуют анализа на соответствие критерию «публичности», особенно если их решения влияют на депортацию или запрет на въезд.

Проблема заключается в том, что действующее законодательство не всегда четко определяет, какие из перечисленных структур (например, государственные экспертные учреждения, проводящие медико-социальные экспертизы для продления виз) вправе инициировать административное производство. Это создает риски процессуальных нарушений, поскольку иностранные граждане могут столкнуться с предъявлением

требований со стороны организаций, чей статус не подкреплён нормативными актами. Систематизация таких субъектов должна сопровождаться внесением ясности в их компетенцию, особенно в части применения мер ответственности, что критически важно для защиты прав мигрантов и соблюдения принципа законности в административном судопроизводстве.

Еще раз подчеркнем. Структура субъектов административной юрисдикции, закреплённая в ст. 22.1 КоАП РФ, показывает ее неоднородность. Закон разделяет полномочия между федеральными и региональными органами: первые рассматривают дела по нормам КоАП, вторые – по правонарушениям, установленным субъектами РФ. При этом региональная система, формально самостоятельная, остается зависимой от федерального законодательства, которое определяет ее нормативную основу, что подтверждает взаимосвязанность субъектов юрисдикции.

К ним относятся не только суды, но и органы исполнительной власти, комиссии по делам несовершеннолетних, административные коллегияльные органы, а также учреждения, осуществляющие надзорные функции. Такая множественность отражает попытку совместить централизованное управление с учетом региональной специфики, однако порождает проблему согласованности их действий, особенно в контексте дуализма правовых оснований [6, с. 82-87].

Таким образом, административная юрисдикция остается сложно структурированным институтом, сочетающим судебные и внесудебные механизмы, что требует баланса между унификацией процедур и гибкостью правоприменения. Неоднородность субъектов, вовлеченных в этот процесс, подчеркивает необходимость четкого разграничения их компетенций для минимизации конфликтов юрисдикций и обеспечения единства правового пространства.

Проблема соотношения внесудебного применения мер административного принуждения с существующими видами административно-юрисдикционной деятельности остается дискуссионной в науке административного права. Традиционная классификация, включающая производства по жалобам, делам об административных правонарушениях и дисциплинарным проступкам, не охватывает специфику мер принуждения, применяемых органами исполнительной власти. Как отмечал Ю.М. Козлов, критическим аргументом против отнесения этих мер к производству по правонарушениям является их формальное несоответствие критериям КоАП РФ: они налагаются за деяния, не признанные законодателем административными проступками, а их перечень не входит в исчерпывающий список наказаний по ст. 3.2 КоАП РФ [7, с. 192-199].

Внесудебное применение принуждения, будучи властным актом, не укладывается в рамки классических юрисдикционных производств, что обосновывает необходимость признания его самостоятельным видом административно-юрисдикционной деятельности. Такое выделение отражает реалии правоприменения, где превентивные и пресекающие меры, не связанные с ответственностью или спором, требуют отдельной процессуальной формы, обеспечивающей баланс между публичными интересами и защитой прав субъектов [7, с. 192-199].

Применение статьи 18.8 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушения правил въезда и пребывания мигрантов в России, иллюстрирует теоретические проблемы внесудебного применения мер административного принуждения. Несмотря на то, что сама статья относится к производству по делам об административных правонарушениях, ее отдельные аспекты демонстрируют необходимость выделения внесудебных мер в самостоятельный вид юрисдикционной деятельности.

Например, меры, предусмотренные ч. 1.1 (отсутствие документов или уклонение от выезда), на практике могут применяться миграционными органами в упрощенном порядке, включая административное выдворение или штрафы, без полноценного судебного разбирательства. Это соответствует концепции внесудебного принуждения, так как решения часто принимаются должностными лицами на основании протоколов, что формально относится к производству по правонарушениям, но фактически исключает элементы спора. Более того, региональная специфика (ч. 3, 3.1, 5) усиливает фрагментацию правоприменения: меры в Москве, Санкт-Петербурге и их областях ужесточаются, что требует дополнительных подзаконных актов и инструкций, усложняющих унификацию процедур.

Таким образом, применение ст. 18.8 КоАП РФ подтверждает необходимость выделения внесудебного принуждения в отдельную категорию. Это позволит четче регламентировать процедуры, особенно в контексте миграционного контроля, где оперативность мер сочетается с высокими рисками нарушения прав. Разделение юрисдикционных производств на «спорные» (правонарушения, жалобы) и «бесспорные» (превентивное принуждение) обеспечит баланс между эффективностью государственного управления и гарантиями законности.

Внесудебный порядок применения мер по ст. 18.8 КоАП, несмотря на оперативность, создает риски нарушения прав мигрантов. Например, решение о выдворении часто принимается на основе протокола, составленного инспектором,

без глубокой проверки обстоятельств (например, уважительных причин нарушения сроков пребывания). Отсутствие четких процессуальных гарантий (сроки обжалования, доступ к переводчику) в рамках внесудебных процедур усиливает дисбаланс между публичными интересами и правами граждан.

В целом, статья 18.8 КоАП РФ служит иллюстрацией общей тенденции к расширению внесудебного административного принуждения. Ее реализация подтверждает, что традиционная триада административно-юрисдикционных производств (правонарушения, жалобы, дисциплинарные дела) не охватывает всего спектра мер, особенно превентивных и пресекающих. Это обосновывает необходимость законодательного закрепления самостоятельного вида производства для внесудебного принуждения, который бы устанавливал единые процессуальные стандарты, гарантии прав лиц и четкие критерии применения мер.

Такая реформа позволила бы снизить риски произвола и повысить прозрачность в таких сферах, как миграционный контроль, где баланс между эффективностью и законностью особенно важен.

В отношении лиц без гражданства (далее – ЛБГ) Россия и Таджикистан применяют различные подходы к регулированию их пребывания на территории своих государств. В России ЛБГ обязаны регистрироваться по месту пребывания аналогично иностранцам, в то время как Таджикистан часто предоставляет временное разрешение на проживание, хотя процедура получения такого разрешения является довольно длительной.

В последние годы миграционная политика обеих стран претерпела существенные изменения. Россия, столкнувшись с ростом нелегальной миграции в период 2023–2025 годов, усилила контроль за мигрантами и начала активно внедрять биометрические данные в систему учета мигрантов. Таджикистан, стремясь привлечь инвестиции, пошел по пути либерализации миграционного законодательства, упростив визовый режим для бизнесменов, при этом страна активно сотрудничает с Российской Федерацией в рамках Евразийского экономического союза по вопросам депортации.

Существенные различия в миграционной политике проявляются в роли судебной системы, где в Таджикистане суды участвуют во всех делах о выдворении, тогда как в России МВД может применять выдворение без судебного вмешательства в отдельных случаях. Кроме того, санкции за нарушения миграционного законодательства в Таджикистане менее строгие, если производить пересчет в доллары США, в то время как Россия демонстрирует более активную позицию, внедряя циф-

ровые системы учета, что позволяет эффективнее контролировать миграционные потоки на своей территории.

В Республике Таджикистан, где административное судопроизводство долгое время ассоциировалось исключительно с Кодексом об административных правонарушениях, современные инициативы по созданию административной юстиции актуализируют вопрос о специализации судов или квазисудебных органов для разрешения споров граждан, включая иностранцев, с государственными структурами.

Исторический опыт, отраженный в деятельности квази-судей и смешанных губернских присутствий, демонстрирует традицию рассмотрения административно-правовых конфликтов через призму баланса между властными полномочиями и правами подчиненных субъектов. В условиях современных миграционных вызовов это наследие может быть переосмыслено для формирования институтов, способных эффективно рассматривать дела, связанные с нарушениями режима пребывания, такими как незаконное продление виз, депортация или отказ в предоставлении статуса.

В современных исследованиях рассматриваемой проблемы подчеркивается необходимость процессуальной автономии административной юстиции, что особенно значимо для дел с участием иностранных граждан, где решения государственных органов часто носят дискреционный характер. Создание специализированных судов позволило бы обеспечить прозрачность процедур обжалования действий миграционных служб, пограничного контроля или органов внутренних дел, чьи решения напрямую влияют на правовой статус иностранцев.

Отсутствие в Таджикистане единой системы административных судов приводит к фрагментарности судебной практики, когда споры с участием мигрантов рассматриваются судами общей юрисдикции без учета специфики публично-правовых отношений. Это создает риски нарушения процессуальных гарантий, таких как право на своевременное уведомление, доступ к переводчику или обжалование решений о депортации. Внедрение административной юстиции, опирающейся на международный опыт, могло бы стандартизировать подходы к определению подсудности подобных дел, разграничив полномочия между общими и специализированными судами.

Ключевым аспектом остается вопрос о подготовке судебных кадров, способных работать с тонкостями миграционного законодательства и международными нормами. Укрепление «правовой дисциплины» должно включать не только создание новых институтов, но и развитие экспер-

тизы в области прав иностранцев, что особенно важно в свете трудовой миграции и транзитных потоков через территорию Таджикистана.

Существует необходимость институционального оформления специализированных органов, способных обеспечить баланс между публичными интересами государства и правами мигрантов. Расширение судебного контроля за действиями органов власти, отмеченное в законодательстве России и частично Таджикистана, актуализирует вопрос о создании административных судов или квазисудебных структур, чья компетенция охватывала бы споры, связанные с ограничением прав иностранцев, такими как аннулирование виз, принудительная депортация или отказ в предоставлении временного убежища.

В условиях Таджикистана, где теория административной юстиции остается малоразработанной, отсутствие четких критериев подсудности дел, связанных с режимом пребывания иностранцев, может приводить к противоречивой практике. Например, решения пограничных служб о запрете въезда, формально относящиеся к административным актам, зачастую обжалуются в судах общей юрисдикции, не обладающих достаточной экспертизой в миграционном праве.

Опыт России, где Кодекс административного судопроизводства 2015 года систематизировал процедуру обжалования действий власти, демонстрирует потенциал специализированного процессуального регулирования. Для Таджикистана внедрение аналогичных норм могло бы усилить защиту прав иностранцев, особенно в контексте трудовой миграции, где часты случаи оспаривания незаконных увольнений или задержек выплат.

Институционализация административной юстиции, как подчеркивает Н.Г. Салищева, должна сопровождаться обучением судей тонкостям миграционного законодательства, включая аспекты интеграции с нормами Евразийского экономического союза, что особенно актуально для стран Центральной Азии. Акцент на разрешение административно-правовых споров исключительно судебной властью, как предлагается для Таджикистана, требует четкого определения компетенции судов в контексте миграционных дел.

Расширение полномочий судов общей юрисдикции, отмеченное в судебной статистике, не исключает рисков фрагментации практики, особенно при рассмотрении жалоб на нормативные акты, регулирующие депортацию или въездные ограничения. Создание административных судов способно обеспечить единообразие в применении миграционного законодательства, минимизируя противоречия между решениями пограничных служб и судебными постановлениями.

Таким образом, по результатам темы исследования можно выделить следующих субъектов административной юрисдикции, уполномоченных возбуждать и рассматривать дела о правонарушениях в области режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. Ключевыми субъектами юрисдикции являются:

1. Органы внутренних дел (МВД России, МВД РТ) возбуждают дела о нарушениях правил въезда, пребывания, транзита иностранных граждан; рассматривают нарушения, связанные с отсутствием регистрации, проживанием без документов, несоблюдением сроков пребывания (ст. 18.8 КоАП РФ, ст. 499 КоАП РТ).
2. Судьи районных (городских) судов рассматривают дела, если правонарушение влечет административное выдворение, а также принимают решения о депортации, аннулировании разрешений на работу/пребывание (ч. 3 ст. 18.8, ст. 18.11 КоАП РФ).
3. Пограничные органы ФСБ России выявляют нарушения на границе (например, попытка въезда с поддельными документами), составляют протоколы и передают материалы в МВД или суды (ст. 18.1 КоАП РФ).
4. Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД РФ и ее территориальные органы осуществляют контроль за соблюдением миграционного учета, реализуют полномочия по рассмотрению дел о нарушениях правил привлечения иностранной рабочей силы (ст. 18.15–18.17 КоАП РФ).

В целом, субъекты административной юрисдикции – это государственные органы, должностные лица или суды, уполномоченные законом рассматривать дела об административных правонарушениях, применять меры административной ответственности и обеспечивать исполнение решений.

Деятельность субъектов административной юрисдикции регулируется нормами административного права (например, КоАП РФ, КоАП РТ). Субъекты административной юрисдикции обладают властными полномочиями, позволяющими им возбуждать дела, проводить расследования и выносить постановления.

Их полномочия специализированы и ограничены конкретными категориями дел, такими как миграционный режим, что обеспечивает им процессуальную самостоятельность, они действуют в рамках кодекса об административных правонарушениях.

Уполномоченные субъекты административной юрисдикции выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они рассматривают и раз-

решают административно-правовые споры, с другой – осуществляют надзор за соблюдением миграционного законодательства и применяют соответствующие меры принуждения при выявлении нарушений.

Создание коллегии по административным делам в Верховном Суде Таджикистана обеспечит единообразие практики, особенно в контексте решений о выдворении или ограничении передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства, где нередки коллизии между национальными и международными правовыми стандартами.

Таким образом, интеграция административной юстиции в существующую судебную систему, с учетом поэтапной специализации, представляется наиболее реалистичным путем укрепления правовой защиты иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях роста миграционных потоков и ужесточения режимных требований.

Список литературы:

[1] Бахрах Д.Н. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 10-11.

[2] Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. – 2000. – № 9. – С. 10.

[3] Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М. : Дело и Сервис, – 2004. – 814 с.

[4] Гулягин, А.Ю. Административно-юрисдикционная деятельность прокуратуры // Административное право и процесс. – 2013. – №3. – С. 26-30.

[5] Елфимова, Е.В., Вновь о контроле, надзоре и административной юрисдикции / Е.В. Елфимова, Д.В. Осинцев // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-107.

[6] Еремеев В.Ю. Определение круга субъектов административной юрисдикции в рамках административно-деликтного законодательства Российской Федерации / В.Ю. Еремеев, И.И. Ларинбаева, И.Р. Шагапов, Д.Р. Ягулов // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 82-87.

[7] Карпухин Д.В. Проблемы применения мер административного принуждения субъектами административной юрисдикции / Д.В. Карпухин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 8. – С. 192-199.

[8] Канищев, Д.Р. Современные тенденции административной юрисдикции таможенных органов // Таможенное дело. – 2014. – № 4. – С. 25-29.

[9] Козлов М.Ю. Административное право: учебник. – М.: Юрист, 1999. – 320с.

[10] Кононов, П.И. Органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, как субъекты

административных и административно-процессуальных правоотношений / П. И. Кононов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 29 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 713-719.

[11] Панова И.В. Административно-процессуальное право России : монография (4-е изд., пересмотр.). М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – С. 131.

[12] Розенфельд В.Г., Серегина В.В. Административное принуждение (понятие, виды административного принуждения, процессуальное регулирование их применения). Воронеж, 1993. – С. 17.

[13] Соколов Е.С. Понятие, виды, классификации и система субъектов административной юрисдикции / Е.С. Соколов, И.Ю. Пекер // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 11. – С. 254-256.

[14] Соловьева А.К. Процессуальные проблемы рассмотрения дел об административных правонарушениях (по материалам судебной практики Санкт-Петербурга) // Административная ответственность: вопросы теории и практики. Сборник статей. М. : Изд-во ИГиП РАН, 2015. – С. 225.

References:

[1] Bakhrakh D.N. We need the specialization of judges, not courts//Russian justice. – 2003. – № 2. – S. 10-11.

[2] Bakhrakh D.N. Legal Process and Administrative Proceedings//Journal of Russian Law. – 2000. – № 9. – S. 10.

[3] Belsky K.S. Police law: lecture course/ed. A.V. Kurakina. M.: Case and Service, - 2004. - 814 s.

[4] Gulyagin, A.Yu. Administrative and jurisdictional activities of the prosecutor's office//Administrative law and process. – 2013. – №3. - S. 26-30.

[5] Elfimova, E.V., Again on Control, Supervision and Administrative Jurisdiction/E.V. Elfimova, D.V. Osintsev//Russian Law Journal. – 2015. – № 4. - S. 99-107.

[6] Eremeev V.Yu. Determination of the range of subjects of administrative jurisdiction within the framework of the administrative and tort legislation of the Russian Federation/V.Yu. Eremeev, I.I. Larinbaeva, I.R. Shagapov, D.R. Yagulov//Education and law. – 2022. – № 10. - S. 82-87.

[7] Karpukhin D.V. Problems of the application of administrative coercion measures by subjects of administrative jurisdiction/D.V. Karpukhin//Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2015. – № 8. – S. 192-199.

[8] Kanishchev, D.R. Current trends in the administrative jurisdiction of customs authorities//Customs. – 2014. – № 4. – S. 25-29.

[9] Kozlov M.Yu. Administrative law: textbook. – M.: Lawyer, 1999. – 320s.

[10] Kononov, P.I. Bodies and organizations endowed with separate state or other public powers, as subjects of administrative and administrative-procedural legal relations/P.I. Kononov//Actual problems of administrative and administrative-procedural law (Sorokin readings): Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Valentin Dmitrievich Sorokin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, in connection with the 100th anniversary of his birth, St. Petersburg,

March 29, 2024. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – S. 713-719.

[11] Panova I.V. Administrative and procedural law of Russia: monograph (4th ed., Revision.). M.: Norm: INFRA-M, 2016. – S. 131.

[12] Rosenfeld V.G., Seregina V.V. Administrative coercion (concept, types of administrative coercion, procedural regulation of their application). Voronezh, 1993. – S. 17.

[13] Sokolov E.S. Concept, types, classifications and system of subjects of administrative jurisdiction/E.S. Sokolov, I.Yu. Pecker//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2017. – № 11. – S. 254-256.

[14] Solovyova A.K. Procedural problems of considering cases of administrative offenses (based on the materials of the judicial practice of St. Petersburg)//Administrative responsibility: questions of theory and practice. Collection of articles. M.: Publishing House of IGiP RAS, 2015. – S. 225.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.